Дилемма

Антрополог и политолог Джеймс Скотт утверждает, что главная теоретическая и практическая «дилемма», которая стоит перед анархистами, — это вопрос о том, как обеспечить «относительное равенство», необходимое для поддержания демократии, а также «взаимозависимость и свободы» в отсутствие государства. Признавая, что история государства — это история репрессий, нетерпимости и насилия, вектор которого направлен в сторону геноцида, он обращает внимание и на то, что государства играют положительную роль в жизни людей. В частности, они способны гарантировать права тем, кто страдает от предрассудков и ненависти, и защитить от тех, кто стремится причинить им вред или удержать в невыгодном положении. Называя себя «попутчиком» анархистов, Скотт сожалеет, что мы, судя по всему, накрепко «привязаны к Левиафану», и поддерживает анархизм без энтузиазма — ведь сама реальность существования государства означает, что о его отмене «не может быть и речи»[350].

Выводы Скотта показывают, как сильно изменился политический контекст со времен раннего анархизма. Не прошло и 150 лет с тех пор, как хеймаркетские анархисты потребовали от правительства показать, каким образом его правовые и конституционные механизмы смогут реализовать принцип свободы, равенства и братства, благодаря которому это правительство и было легитимизировано. Сегодня ситуация иная. Государство стало настолько всепроникающим, что подобные требования анархистов кажутся уже неактуальными. Независимо от того, с какой точки зрения — социологической неизбежности, исторического достижения или политической желательности — рассматривать феномен государственного устройства, он представляется устойчивым и постоянным. Анархия же кажется невозможной не только потому, что она в значительной степени вытеснена государством, но и потому, что анархисты не могут показать, каким образом они намерены обеспечивать управление или предоставление услуг, которыми сейчас занимается государство. Как при анархии будет организован сбор мусора? Кто будет управлять школами? Как будет вестись борьба с преступностью? Стандартный ответ анархистов заключается в том, что на подобные вопросы невозможно ответить, поскольку людям предстоит решать и действовать самостоятельно. Однако такой ответ вряд ли удовлетворит тех, кто ищет конкретные решения организационных проблем.

Самое распространенное возражение на такую постановку дилеммы заключается в том, что обеспечиваемые государством удобства лишь незначительно смягчают последствия наиболее тяжелых злоупотреблений, которые неизбежно сопутствуют самому существованию государства. В частности, Скотт Кроу говорит, что государство законодательно закрепляет предрассудки доминирующих меньшинств и ставит собственную защиту выше интересов своих граждан. Скотт Кроу был одним из основателей «Общей платформы» (Common Ground Collective) — общественной инициативы по преодолению кризиса в Новом Орлеане, в рамках которой предоставлялась медицинская помощь и решались жилищные проблемы после урагана «Катрина». Он вспоминает условия,

в которых этот проект начинал свою деятельность:

> «Полиция постоянно наставляла на нас оружие. В тех районах людям приходится сталкиваться с подобным ежедневно, но в нашем случае это происходило с белыми приезжими людьми. И полицейские упорно твердили, что мы вознамерились свергнуть власть. Однако при этом они не делали ничего, чтобы помочь людям; все, что им было нужно, — это восстановить правопорядок. Вы поймите: люди оказались запертыми наводнением на чердаках, на крышах. И речь не о нескольких сотнях. Речь о десятках тысяч людей, которым грозила смерть, а они всего лишь хотели восстановить правопорядок, при этом закрывая глаза на банды белых расистов, действовавших в округе»[351].

Второе возражение заключается в том, что удобства, которые предоставляет государство, имеют неприемлемо высокую цену. Вот как подсчитывает ее Ноам Хомский. Свобода слова — это «достижение» и право, «защищаемое в США больше, чем в любой другой стране, которую я знаю», но она ограничена рамками политической культуры, для которой характерно «колоссальное» неравенство и подавление независимого мышления[352]. Компромиссы становятся все более очевидными по мере того, как государство навязывает свои блага гражданам других государств. По словам Хомского, внешняя политика США ориентирована на то, чтобы дать американские свободы всем остальным «независимо от того, нравятся они им или нет». К этой роли Америке не привыкать. Так уж сложилось, что в глобальной системе XX — начала XXI века она представляет доминирующую силу. То, что называют «американской исключительностью», отмечает Хомский, «характерно для любого государства в той степени, в какой оно обладает властью». Государства, как правило, «находят способ представить себя страшно "добродетельными" и всячески оправдать свои деяния». До того как США в конце 1945 года обрели гегемонию, свои «цивилизаторские миссии» активно осуществляли французы и англичане. Аналогичным образом японцы несли в «Китай то, что они называли "раем земным"… защищая население от… китайских бандитов»[353]. Эти колониальные авантюры отличались разной степенью жестокости, но сама жестокость, как полагает Хомский, — мера для них вполне подходящая.

Третье возражение состоит в том, что предлагаемые государствами удобства не предоставляются автоматически. В 1944 году Джордж Вудкок заявил, что «дома для героев», обещанные правительствами в межвоенный период, появились в Великобритании только после того, как демобилизованные солдаты и их семьи объявили забастовку и отказались платить домовладельцам. Арендаторам пришлось коллективно обеспечивать безопасность мест проживания и сопротивляться выселению[354]. Обобщая этот и другие факты, Хомский приходит к выводу, что граждане во все времена вынуждены бороться за сохранение полученных их предками благ. Касательно США он утверждает, что «страну демократизировали общественные движения», заставив «правительство… принимать меры в отношении социального обеспечения, прав трудящихся и т.д.». Аналогичным образом существующая свобода слова скорее связана с общественным давлением, оказанным в 1960-х годах, чем с Биллем о правах. Действующие ныне законы принимались на фоне

«подъема движения за гражданские права и других народных движений: за права женщин… за права национальных меньшинств»[355].

Для тех, кто готов поддерживать анархию обеими руками, это последнее возражение, возможно, более точно, чем формулировка Скотта, описывает политическую и теоретическую дилемму, которую не могут обойти анархисты, а именно то, что анархия не способна обеспечить такую защиту, какую гарантирует государство. С точки зрения Хомского, решение сформулированной Скоттом дилеммы не зависит от того, как анархия собирается воспроизводить функции государства. В основе этой позиции лежит признание того факта, что наиболее демократичные механизмы появились в государствах лишь благодаря оказанному «снизу» давлению, а также понимание пределов гибкости Левиафана. Такая позиция имеет и практический, и философский аспекты.

Философия восходит к Прудону и его недоверию к абстрактному утопическому мышлению, а также к утверждениям Бакунина о том, что философы должны строить теории на основе опыта. Пол Гудман сформулировал это иначе, определив философию как «реальное» и «важнейшее» искусство. Гудман понимал философию так же, как он понимал науку в целом; для него это был скорее образ мышления, чем академическая дисциплина. При правильном толковании она означала «непосредственное внимание к людям, горожанам, к их конкретным поступкам и к тому, что их волнует в первую очередь».

Гудман также утверждал, что последствия нищей философии ощущаются в повседневной жизни. Задавать гипотетические вопросы означает погрязнуть в «проблемах с дорогами, жильем, налогами и обеспечением правопорядка». Эти вопросы важны сами по себе, но еще важнее способ их рассмотрения. Краткие предписания по внедрению или регламентированию той или иной услуги становятся причиной появления шаблонных схем. Например, плановикам и проектировщикам поручается решать проблемы транспортного сообщения и логистики «в лоб», без учета моделей социального взаимодействия. В итоге — суета, перегруженность лишними деталями и результаты, далекие от ожиданий либертариев. Искусство философии, утверждал Гудман, требует комплексного подхода. При планировании в первую очередь следует взглянуть с позиции живых людей. Это означает, что «работу, место жительства и передвижения» нужно рассматривать как «одну комплексную проблему», а не как ряд разрозненных задач356. Такой подход, как правило, отличал инициативы анархистов в отношении работы, жилья и тюрем. Возможно, со стороны они казались кампаниями, ориентированными на достижение одной цели, но на деле в центре их внимания всегда находились вопросы капитализма, собственности и справедливости.

Гудман считал, что переориентация философии с конкретного на гипотетическое исказила восприятие глубины проблем, с которыми сталкиваются современные общества, и привела к выпадению целых кластеров знания из поиска возможных средств их решения. Чтобы оживить философию, он создал ряд вымышленных идеальных моделей, которые позволяют представить, каким образом различные формы социального устройства помогают на практике решать общие проблемы.

Гудман обрисовал три социальные модели: «город эффективного потребления», «новое общество» и «общество плановой безопасности с минимальным контролем». Первая модель напоминала послевоенную Америку и была ограничена рамками мегаполиса, который Гудман описал как «универмаг». Вторая уходила корнями в этику ремесленничества и искусств, а ее цель состояла в том, чтобы сократить разрыв между производством и потреблением. Третья модель представляла собой эгалитарное общество справедливого распределения, гарантирующее безопасность существования как плацдарм для творческих политических экспериментов. Эти модели имели некоторую степень детализации, однако Гудман подчеркивал, что они представляют собой возможности, а не готовые варианты. Степень их осуществимости зависела от конкретного геополитического контекста.

Подход Гудмана перекликается с идеей Рокера о культуре: если существуют совершенные социологические модели, то также существуют и градации в пределах спектра, который задает история. Любое социальное устройство является в той или иной степени националистическим, а не строго националистическим или естественным. Таким образом, возможности реализации всегда связаны с оттенками серого, образующимися слиянием черных и белых альтернатив, например порядка и хаоса. Возможности зависят от того, как именно люди формулируют свои желания, как они представляют себе идеи, как понимают очевидные общие концепции, какую этику принимают, какие технологии считают полезными или целесообразными и т.п. В своем подходе Гудман использовал два принципа: «в каждом из тысячи мест, которые человек планирует создать, свои особые условия и особые ценности» и «разные люди в одном и том же месте испытывают разные желания, и точно так же разные желания испытывает один и тот же человек в разных местах»[357].

Что же поменял Гудман, переформулировав анархистскую дилемму? Он перенес акцент на сложность, неопределенность и несовершенство конкретной философии — философии, практикуемой как массовое искусство. Вслед за Скоттом, он соглашался с тем, что большинство из нас продолжает крепко держаться за идею государства, но утверждал, что эта социологическая реальность — не последнее слово в истории организации обществ. Свою заключительную мысль Гудман высказал в форме новой дилеммы, достойной Прудона: «Люди далеки от философии, они не понимают конкретных важнейших фактов. Но при этом только люди могут их понять. Решение содержится в замечательной и заставляющей задуматься фразе Мишле: "Инициация, образование и власть — это три синонима"»[358].

Переформулированная таким образом дилемма перемещается из плоскости политического выбора между двумя образами жизни — государством и анархией — в пространство, где в рамках государственной системы стимулируются альтернативные властническим и иерархическим принципам либертарные политические, социальные и культурные проекты. Это предполагает трансформацию предоставляемых государством услуг путем воспроизведения и имитации альтернатив, а не воспроизведение этих услуг некими иными способами. Как утверждала в своем манифесте 1926 году группа L'En-dehors, которую связывают с Эмилем Арманом и Зо д›Акса, «анархия — это "анархизация"»[359].

Практическая задача этой анархизации заключается в том, чтобы каким-то образом заставить группы и отдельных людей изменить механизмы, которые они вполне могут считать эффективными, даже осознавая их несовершенство и тенденцию к разобщению. Как мы увидим, эта задача имеет два пути решения: один рассматривает анархизм как

проявление объединяющего здравого смысла, а другой, напротив, наделяет его особым взглядом и предполагает расхождение во мнениях между анархистами и неанархистами.

Версия #1
Зверобой создал 11 апреля 2025 16:01:51
Зверобой обновил 11 апреля 2025 16:03:57